

ДВЕ ДОЛЛИ: ОТКЛИК НА РОМАН ДЖОРДЖ ЭЛИОТ «САЙЛЕС МАРНЕР» В «АННЕ КАРЕНИНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО

В статье доказываем гипотеза о том, что на формирование образа Долли Облонской повлияло знакомство Л.Н. Толстого с романом Дж. Элиот «Сайлес Марнер». Совпадение нравственно-философского содержания образов двух Долли, а также приемов их художественного изображения позволяет утверждать, что героиня Элиот стала прообразом Долли Облонской – и причиной, по которой Толстой выбрал то же имя для одной из важнейших героинь своего романа. Исследование проводится на материале рукописей «Анны Карениной», дневников, писем и фондов личной библиотеки Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Дж. Элиот; образ; сюжет; роман.

Из всех персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» образ Долли Облонской является одним из самых малоизученных в литературоведческой науке. В числе прочего остается загадкой вопрос о происхождении этой героини. В послесловии к двадцатому тому полного собрания сочинений Толстого Н.К. Гудзий подробно говорит об истории создания и прототипах большинства героев романа, в том числе и второстепенных, однако о Долли не упоминает (10, 640–641)¹. Любопытным представляется и тот факт, что Долли едва ли не единственная из ключевых персонажей «Анны Карениной» сразу обретает свое окончательное имя, тогда как имена и фамилии остальных героев меняются Толстым по несколько раз от рукописи к рукописи. Как же возникла эта Долли в творческом сознании писателя? В настоящем исследовании будет предпринята попытка доказать, что создание этого образа было прямым откликом Толстого на чтение романа Джордж Элиот «Сайлес Марнер».

Творчество английской писательницы Мэри Энн Эванс, взявшей псевдоним Джордж Элиот (1819–1880), было хорошо знакомо автору «Анны Карениной». В 1859 г. он восхищается ее ранней повестью «Исповедь Джэнет» (60, 300) и вслед за этим читает первый роман Элиот «Адам Бид», который оценивает более критически (48, 22). Представляется неоспоримым, что в 1850–1870-е гг. Толстой познакомился со всеми романами писательницы, которые в это время печатались на страницах ведущих российских журналов сразу вслед за публикацией в Англии. Это доказывают, например, его слова о романе «Феликс Холт, радикал» в письме 1885 г.: «Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл» (83, 477). Еще одним подтверждением раннего знакомства Толстого с произведениями Элиот является наличие в ясполянкой библиотеке их изданий 1850–1870-х годов (и притом на английском языке): «Адама Бид» 1859 г., «Мельницы на Флоссе» 1860 г., «Ромолы» 1863 г., «Феликса Холта» 1867 г. и романа «Мидлмарч» 1872 г. а издания.

В середине 1880-х гг. Толстой повторно обращается к творчеству Элиот – возможно, в связи с необходимостью рекомендовать для публикации в издательстве «Посредник» произведения, подходящие для народного чтения. В январе–феврале 1885 г. он перечитывает в подлиннике уже упомянутый роман «Феликс Холт, радикал», а в письме от 9 мая того же года упоминает имя Элиот, рекомендуя произведения ан-

глийских авторов для родственницы В.Г. Черткова, желавшей заняться переводами: «Есть G. Elliot роман. Кажется, тоже хорошо» (85, 189). О каком романе идет речь, доподлинно неизвестно, однако комментатор справедливо указывает (85, 192), что вряд ли это «Феликс Холт, радикал», получивший весьма высокую оценку писателя тремя месяцами ранее². В итоге для издательства «Посредник» действительно были переведены (и адаптированы для народного чтения) три романа Элиот – «Адам Бид», «Мельница на Флоссе» и «Сайлес Марнер», однако не родственницей Черткова, а племянницей самого Толстого Верой Сергеевной.

Не вызывает сомнения, что выбор произведений для перевода был осуществлен при участии Толстого. И хотя иных свидетельств знакомства писателя с романом «Сайлес Марнер» не имеется, весьма маловероятно, чтобы Толстой прошел мимо одного из наиболее известных произведений Элиот – притом, что внимание к ее творчеству он проявлял на протяжении всей жизни, неоднократно указывая на значительное впечатление от произведений английской писательницы³.

«Сайлес Марнер, ткач из Рейвлоу» – третий роман Элиот, опубликованный в Англии в апреле 1861 г. В России он был переведен и напечатан в том же году в журнале «Русский мир», а в 1862 г. – в «Отечественных записках». Безусловно, интерес для Толстого мог представлять материал, выбранный Элиот для романа: быт и идеалы простых деревенских тружеников, параллелью к которым выступает жизнь сыновей сельского сквайра, один из которых безволен и труслив, а другой бездушен и порочен. Не меньшее внимание мог привлечь и сюжет: судьба ткача, переживающего несколько серьезных жизненных потрясений, которые сперва приводят его к одиночеству и полной утрате веры в людей и Бога, а затем возрождают эту веру и реабилитируют в душе героя ценность человеческого общения.

Однако наиболее явным доказательством знакомства Толстого с романом «Сайлес Марнер» является типологическая близость одного из второстепенных его образов – героини по имени Долли Уинтроп – и толстовской Долли из романа «Анна Каренина». Совпадение нравственно-философского содержания этих образов, а также приемов их художественного изображения позволяет утверждать, что именно миссис Уинтроп стала прообразом Долли Облонской – и при-

чиной, по которой Толстой выбирает то же имя для одной из важнейших героинь своего романа.

Для начала необходимо отметить, что в сюжете «Сайлеса Марнера» Долли Уинтроп занимает совсем небольшое место и даже появляется в нем далеко не сразу, только в десятой главе, т.е. ровно в середине повествования (в романе 21 глава и заключение). К этому моменту читатель уже хорошо представляет себе характер всех основных героев, и в первую очередь, самого Сайлеса. Вначале это молодой человек, член общины баптистов в большом городе, и его жизнь отличается «полнотой чувств, деятельности и тесным товарищеским общением, какие... были свойственны жизни ремесленника, с юных лет примкнувшего к немногочисленной религиозной секте, где даже беднейший мирянин имел возможность отличиться» [2. С. 10]. Но предательство друга, из-за козней которого Сайлес был обвинен в краже принадлежащих общине денег, заставляет его покинуть город и переселиться в каменную хижину неподалеку от деревни Рейвлоу. Здесь смыслом существования и единственной радостью героя делается накопление денег, которые он рассматривает и пересчитывает каждый вечер, достав из тайника.

Однажды деньги похищают, и ткач впервые становится объектом заботы и сочувствия со стороны односельчан, до той поры считавших его человеком странным и даже опасным. Здесь-то на сцену и выступает Долли Уинтроп, женщина необразованная, но благочестивая, пользующаяся безусловным уважением односельчан. Ее визит к Сайлесу непосредственно предшествует кульминационному событию романа, которое в очередной раз переворачивает жизнь главного героя: в его дом случайно приходит маленькая девочка, чья мать только что замерзла на дороге, и Сайлес без раздумий берет ее на воспитание. Ребенок «затронул струны, которые никогда не звучали у Сайлеса в Рейвлоу: былой трепет нежности, благоговение перед высшей силой, властвующей над его жизнью» [2. С. 117], и в то же время «снова связал его с окружающим миром» [Там же. С. 137]. Долли теперь не только помогает ткачу в воспитании девочки, но и становится его другом.

В финале романа героя настигает еще один кризис, когда объявляется настоящий отец ребенка, старший сын местного сквайра. Но выросшая Эппи заявляет, что не оставит горячо любимого приемного отца ради богатства и роскоши, и роман завершается благополучно: «Теперь, когда она говорит, что никогда не покинет меня, я буду верить до самой смерти» [2. С. 186], – говорит в финале старый ткач.

Периферийное положение Долли в сюжете не отменяет важной роли героини в авторском замысле романа. В отличие от Сайлеса, который долгие годы ищет смысл существования и духовную опору, Долли – характер цельный, героиня не склонна к сомнениям, поскольку имеет твердые убеждения и веру в Божий промысел. Согласно М.М. Бахтину, Долли вообще не может считаться романским героем, который «должен быть показан не как готовый и неизменный, а как становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью» [3. С. 453]. Однако именно эта цельность

героини, вкупе с ее способностью к активному сочувствию, и оказывается крайне важна для Сайлеса Марнера в процессе его возвращения к людям и вере. Как пишет известный американский писатель и литературовед Генри Аллей, Долли «демонстрирует выдающуюся способность к пониманию и широту взглядов – качества, которые другие герои вынуждены отыскивать до самого конца романа. И поэтому вполне логично, что она является в какой-то степени руководителем, советчиком и учителем героя-протагониста» [4. Р. 76]. Австралийский исследователь Тим Долин даже сравнивает задачи, которые решает Долли в романе, с функциями священнослужителя [5. Р. 182].

Функциональность образа Долли дополнительно подчеркивается способом ее введения в сюжет романа: героиня сразу же показывается в действии, которое совершает с глубокой уверенностью в его необходимости: «После мистера Мэси к Сайлесу явилась гостья с таким же твердым намерением утешить его. Это была миссис Уинтроп...» [2. С. 84]. Акцент на деятельной натуре Долли делается и в ее развернутой характеристике: «Это была женщина безукоризненно добросовестная, так ревностно исполнявшая свои обязанности, что ей казалось, будто в жизни их слишком мало...» [Там же]. Другой доминантой характера героини Элиот становится ее природная мягкость, чуткость и способность к сопереживанию: «Очень мягкая, кроткая и терпеливая», она являлась «общей “утешительницей”» (в оригинале «comfortable woman»): «когда в Рейвлоу кто-нибудь заболел или умирал, прежде всего вспоминали о ней» [Там же].

«Кроткая» – ключевой эпитет, сопровождающий образ героини Элиот. Не случайно Н.Л. Емельяникова, переводчик советского издания «Сайлеса Марнера» (1959), добавляет его в первую характеристику Долли, усиливая буквальный перевод прилагательного «mild». «Very mild, patient woman» – дословно «очень мягкая (или очень кроткая), терпеливая женщина» – Емельяникова передает как «женщина очень мягкая, кроткая и терпеливая». Этот же эпитет выбирает и переводчик романа для журнала «Отечественные записки» в 1862 г.: «кроткая, терпеливая Долли Винтроп» [6. С. 153]. Кротость героини усиливается и дополняется целым комплексом эпитетов, иллюстрирующих ее внешность, поведение и мировоззрение.

Оригинальный текст [7]	Дословный перевод	Перевод Н.Л. Емельяниковой [2]
<i>good-looking, fresh-complexioned</i> ⁴	обладающая приятной внешностью, со свежим цветом лица	красивая, румяная
<i>good wholesome</i>	добродетельная, нравственная (цельная)	славная, добрая
<i>Dolly sighed gently</i>	Долли кротко (мягко, слегка) вздохнула	Долли кротко вздохнула
<i>the desire to give comfort</i>	желание утешить	неподдельное участие
<i>her simple view of life</i>	ее простой взгляд на жизнь	взгляд простодушной женщины на жизнь
<i>with a woman's tender tact</i>	с мягкой тактичностью женщины	с чуткостью женщины

Эти качества – нравственную цельность, постоянную погруженность в заботы о близких и чуткое со-

страдающее сердце – делает ядром образа своей Долли и Лев Толстой в романе «Анна Каренина». Показательно, что эпитеты, которыми Элиот характеризует свою героиню, почти дословно воспроизводятся Толстым в описании Дарьи Александровны Облонской. Это видно и в окончательном тексте романа, однако наиболее отчетливо проступает в черновых вариантах «Анны Карениной». В первом из дошедших до нас набросков Долли еще не фигурирует (о ней лишь кратко упоминается в диалоге). Но уже в следующей рукописи, вариант развития событий в которой приближается к окончательному сюжету романа, героиня появляется в первых же строках, и с весьма примечательной характеристикой: «Жена его, *кроткая, милая* Дарья Александровна, урожденная Щербацкая, *не верившая в зло на свете...*»⁵ (20, 51).

Упоминание о неверии Долли в зло характеризует здесь не только наивность и нравственную чистоту героини, случайно узнавшей о неверности мужа, – это еще и прямая отсылка к главному из убеждений Долли Уинтроп, которое она трижды (практически рефреном) повторяет во время первого разговора с Сайлесом Марнером: «Если *есть на свете добро*, мы очень нуждаемся в нем» [2. С. 86]. В рукописях «Анны Карениной» можно заметить и другие акценты, сближающие образ Дарьи Облонской с ее тезкой из романа Элиот. Так, во всех черновых вариантах романа Толстой последовательно использует прием изначального изображения героини «со стороны», в том числе глазами ее мужа. В первой рукописи Степана Аркадьевича спрашивают о жене общие знакомые, и он коротко отвечает: «*Вся в хлопотах, в детях, в классах*» (20, 17). Точно так же, глазами беззаботного Стивы, показывается Долли и в окончательном тексте: «эта вечно озабоченная, и хлопотливая, и недалекая, какую он считал ее, Долли» (18, 4), «ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства» (18, 5).

Долли Уинтроп в романе Элиот поначалу также находится в тени своего мужа – неслучайно она и представляется читателям как «жена колесного мастера» [2. С. 84], общительного остряка Бена Уинтропа, который уже появлялся в сцене вечерних посиделок в деревенском трактире⁶. Как и Толстой, Элиот акцентирует несходство характеров Долли и ее мужа, аналогично показывая героиню «извне», глазами односельчан: «Многие дивились, как умудрялся Бен Уинтроп, который любил посидеть за кружкой и пошутить, так ладить с Долли. Впрочем, она относилась к шуткам и общительному нраву мужа так же терпеливо, как и ко всему на свете...» [Там же].

Таким образом, в сюжете обоих произведений героини вначале появляются исключительно как простые, ничем не примечательные женщины, только добросовестные матери и хозяйки. Разумеется, образ Дарьи Александровны Облонской, крайне значимый в архитектонике и нравственно-философской системе романа, не исчерпывается этой характеристикой. Однако, как и Долли Уинтроп, она тоже не совсем романский герой, особенно на фоне главных действующих лиц «Анны Карениной». Канадская исследовательница творчества Л.Н. Толстого Донна Орвин пи-

шет: «...Как история, так и романы возможны только в тех случаях, когда люди не способны смирить свои страсти. Поэтому... несчастливая жизнь Долли, до тех пор пока она сохраняет семью, не может стать сюжетом романа» [9. С. 199] – героиня лишь играет в нем роль «обыкновенного, скромного человека» [Там же. С. 200], отстаивающего неизбежность идеалов семейной жизни.

И между тем, эта роль «простого героя» связана в романе Толстого с важнейшими функциями, которые весьма схожи с задачами, выполняемыми миссис Уинтроп. Если в завязке сюжета «Анны Карениной» Долли выступает скорее как лицо пассивное, то уже во второй части она оказывается вполне самостоятельной героиней, способной к активному действию во имя добра: «...Несмотря на то, что у ней было много своего горя и забот, она, оставив грудного ребенка и заболевшую девочку, она захотела узнать об участии Кити, которая решалась нынче» (18, 127).

Характерно, что эта активизация Долли описывается с помощью бытовой метафоры, позволяющей расширить, но не перечеркнуть тот образ «доброй матери семейства» и хлопотливой хозяйки дома, который был нарисован Толстым вначале: «Еще как только Кити в слезах вышла из комнаты, Долли с своею материнскою, семейною привычкою тотчас же увидела, что тут предстоит женское дело, и приготовилась сделать его. Она сняла шляпку и, нравственно *засучив рукава*, приготовилась действовать» (18, 130). Эта готовность к утешению активно проявляется в Дарье Александровне и в дальнейшем: она объясняет Левину его неправоту по отношению к Кити и тем самым способствует возобновлению их отношений; она убеждает Каренина простить жену и не начинать развода; она же, наконец, навещает Анну и поддерживает ее в момент, когда та подверглась открытому осуждению в свете.

Весьма симптоматично, что именно с этим последним эпизодом, являющимся важнейшим «узлом»⁷ в содержании и архитектонике романа, связано первое упоминание о героине в рукописях «Анны Карениной». «Поездка Долли» (20, 6) – записывает Толстой в плане № 3, и с этого момента, повторимся, ее имя ни разу не меняется в черновиках романа. Ситуация, когда Долли навещает Анну в имении Вронского, наиболее отчетливо выявляет главную задачу этой героини: быть носителем моральной нормы, своеобразной «лакмусовой бумажкой», по которой проверяется нравственная состоятельность поступков и чувств всех прочих героев. В романе Элиот миссис Уинтроп также пытается указать одинокому ткачу на те ценности, к которым он впоследствии придет собственным путем, т.е. говорит ему о некоей норме жизни. «Поездка Долли», таким образом, становится в романе Толстого прямой аналогией визитов Долли Уинтроп в уединенную хижину Сайлеса Марнера (также весьма сомнительного места в глазах жителей Рейвлоу).

При всем том Долли Облонская, приехав к Анне, не пытается убедить ее в своей правоте – она только наблюдает и внутренне оценивает ее жизнь. Поэтому содержательно гораздо ближе к диалогам героев в

«Сайлесе Марнере» два других эпизода «Анны Карениной»: встреча Долли и Левина в имении Ергушово и ее беседа с Карениным во время его приезда в Москву. Особенно интересен последний эпизод. В окончательном тексте романа он значительно сокращен Толстым и является лишь фрагментом большого описания вечера у Облонских, во время которого Левин делает предложение Кити. В черновом варианте (третья из рукописей романа) Каренин отдельно приезжает к Долли, и этот визит позволяет Толстому значительно углубить характеристику обоих героев. Так, в обстановке квартиры Облонских писатель дополнительно акцентирует контраст между «беззаботностью, мотовством мужа» и «рабочей, напряженной жизнью» Дарьи Александровны (рядом Толстым вычеркнут другой вариант – «трудова, степенная» жизнь) (20, 331). Здесь же Каренин отмечает на лице героини «тихий страдальческий свет, говорящий о неустанном терпении» (20, 332). Примечательна и готовность героини помочь не самому близкому ей человеку (Толстой упоминает, что герои не виделись пять лет), невзирая на поглощенность заботами о семье: «она увидела на лице Алексея Александровича черту страдания, и вдруг ее досада прошла и заменилась состраданием» (20, 332); «лицо ее выразило готовность понять всякое горе, какое бы ни было оно, и попытаться помочь ему» (20, 333).

Содержание беседы героев также содержит прямые переключки со словами Долли Уинтроп, когда та говорит о необходимости смиренно принимать все, что дается свыше: «Много бед и горя на свете, а также есть много такого, чего нам никогда не понять. И все, что нам остается, мастер Марнер, это верить, исполнять, как умеем, свой долг и верить» [2. С. 152]. Об этом же в рукописном варианте романа думает, слушая Каренина, и Дарья Александровна: «Она знала, что делать – то, что она делала – нести крест» (20, 334). Обе героини в попытке убедить своих собеседников одинаково апеллируют к собственному опыту, говоря о том, что дает утешение им самим. Долли Уинтроп указывает на посещение церкви как источник спокойствия и твердости любого человека. Долли Облонская говорит Каренину о необходимости христианского милосердия и прощения, которое непременно принесет свои плоды.

Долли Уинтроп (перевод Н.Л. Емельяниковой)	Долли Облонская
Только побывав в церкви и послушав молитвы и пение во славу господу, ...а особенно приняв причастие, я чувствую в себе покой и счастье, а если и приходит беда, я нахожу в себе силы перенести ее, ибо я искала помощи в верном месте и предалась воле тех, кому мы все должны будем вручить свою душу, когда придет наш час. Если мы выполним наш долг, никак нельзя поверить, что они, те, кто над нами, окажутся хуже нас и не выполнят своего [2. С. 88] ⁸	Постойте, я вам скажу про себя. Я вышла замуж, и муж обманывал меня; в злобе, ревности я хотела все бросить, я хотела сама... Но я опомнилась, и кто же? Анна спасла меня. И вот я живу. Дети растут, муж возвращается в семью и чувствует свою неправоту, делается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить! (18, 415)

Легко, впрочем, заметить, что, несмотря на убедительность и эмоциональность риторики, обе героини не совсем искренни: Дарья Александровна прекрасно

знает, что муж продолжает ей изменять, а вовсе не «делается чище», а Долли Уинтроп на деле посещает церковь с «умеренным усердием» [2. С. 84], как и все жители Рейвлоу. Неслучайно обе «утешительницы» в данной ситуации не добиваются успеха. «Алексей Александрович слушал, но слова ее уже не действовали на него. В душе его опять поднялась вся злоба того дня, когда он решился на развод» (18, 415) – «Изложение немудреного богословия Рейвлоу устами бедной Долли не произвело большого впечатления на Сайлеса. В сказанном ею не было слов, способных напомнить ему о том, что он считал своей религией...» [Там же. С. 88].

В черновом варианте этого эпизода Толстой привносит в образ героини еще одну важную черту: здесь появляется мотив неумения сказать, неспособности выразить свои мысли так, чтобы убедить собеседника. В финале беседы Дарья Александровна просит Каренина о продолжении разговора: «Я не могу, не умею сказать вам, что надо. Вы жалкий, вы добрый человек, но вы не правы. Пожалуйста, оставайтесь у нас. Я хочу вас видеть, мы еще поговорим, пожалуйста. Мне хочется сказать вам, да я не умею» (20, 335). Этот же мотив сопровождает и образ Долли Уинтроп. Так, после долгих размышлений о причинах постигшего Сайлеса несчастья она признается: «...Мне все стало ясно, но не знаю, запомнила ли я и сумею ли сейчас объяснить вам, найдутся ли подходящие слова. В голове у меня всегда много такого, что я не умею высказать» [Там же. С. 151].

Мотив «неумения говорить» еще раз подчеркивает, что главное достоинство обеих героинь – не ум, а сердечность, душевная отзывчивость. Именно поэтому в спорах с героями-мужчинами обе Долли неизбежно терпят поражение. Однако в этой битве за свои идеалы у героинь есть другое оружие: гораздо сильнее они убеждают своей жизнью, делами, практическими умениями – вести хозяйство, заботиться о семье, воспитывать детей. Именно поэтому Сайлес почти не воспринимает размышлений Долли Уинтроп о пользе веры, но жадно слушает ее советы о том, как устроить жизнь найденной им девочки. Здесь героиня находится в своей стихии: воспитывая четверых сыновей, она считается в Рейвлоу «образцовой матерью» [Там же. С. 126] – и при этом выгодно отличается от своих соседок тем, что оказывает Сайлесу помощь «не навязчиво и без желания поучать» [Там же. С. 127]. Семейная жизнь Долли Облонской (примечательно, что в черновом варианте и у нее четверо детей) также становится предметом пристального внимания и даже зависти окружающих. Так, в рукописи романа Каренин поражен картиной семейного уюта в бедной квартире Облонских: «Вид ли этой женщины, такой матери, несмотря на распущенность мужа, вид ли этой хорошей семьи и сравнение с своей судьбой, только он побледнел и губы его затряслись» (20, 333). Левин точно так же присматривается к опыту семейной жизни Долли, которая представляется ему идеалом: «Увидав ее (окруженную детьми. – И.Г.), он очутился пред одною из картин своего воображаемого в будущем семейного быта» (18, 281).

Эта встреча Долли и Левина во время его приезда в Ергушово может быть напрямую соотнесена со вто-

рым диалогом Сайлеса и миссис Уинтроп о только что обретенной героине приемной дочери. Здесь Дарья Александровна фактически делает то же, что и ее тезка из романа Элиот: она рассказывает Левину, что представляет собой жизнь и душа молодой девушки, почти девочки, которой нужно сделать судьбоносный выбор. То, что о восемнадцатилетней Кити говорят как о ребенке, подтверждают сравнения, которые приводят оба героя. «Я говорю о сестре, которую я люблю, как своих детей» (18, 286), – горячо заверяет Долли, а Левин реагирует аналогичной по смыслу метафорой: «Все равно, как у вас бы умер ребенок, а вам бы говорили: а вот он был бы такой, такой, и мог бы жить, и вы бы на него радовались» (18, 286). Однако в этих сценах и снисхождение, которое проявляют обе героини-наставницы по отношению к мужчинам, неопытным и неловким – будь то в бытовом или в духовном отношении.

Долли Уинтроп (перевод Н.Л. Емельяниковой)	Долли Облонская
Я знала мужчин, которые от- лично умели обращаться с деть- ми. Мужчины, прости их госпо- ди, неуклюжи и упрямы, но когда из них выйдет хмель, они не так уж бестолковы. Только мучение с ними, когда прихо- дится ставить им пивявки или перевязывать их, – они такие вспыльчивые и нетерпеливые. [2. С. 128] ⁹	– Ах, гордость и гордость! – сказала Дарья Александровна, как будто презирая его за ни- зость этого чувства в сравнении с тем, другим чувством, которое знают одни женщины (18, 285). – Как вы смешны, – сказала Дарья Александровна с груст- ной усмешкой, несмотря на волнение Левина (18, 286)

Рукописный вариант этой сцены, гораздо более лаконичный по сравнению с окончательным текстом, содержит и прямые отсылки к роману Элиот. Долли здесь прямо говорит о любви Кити к Левину: «Она вас любит, – вдруг, как выстрелила, сказала Дарья Александровна, – да, любит» (20, 252). Точно так же Долли Уинтроп указывает на привязанность маленькой Эппи к своему приемному отцу: «Вот видите, – сказала Долли с чуткостью женщины, – она вас очень любит» [2. С. 128]. «Чуткость женщины» здесь также прямая параллель с «тем, другим чувством, которое знают одни женщины», у героини Толстого.

Разумеется, нельзя не отметить и образы детей, которые сопровождают обеих героинь, любящих и заботливых матерей. Миссис Уинтроп в первый раз приходит к ткачу с младшим сыном, семилетним Эроном, красивым мальчиком «с русой головкой» [Там же. С. 89], «блестящими глазенками» [Там же. С. 86] и «с щечками как румяные яблочки» [Там же. С. 85]. Долли Облонская во время приезда Анны также показана рядом с сыном, «белоголовым пухлым мальчиком» (18, 71) – в черновике к этой характери- стике добавляются «красивое лицо, умные веселые глаза и развязность движений» (20, 332). Дом, детская комната как наиболее естественная для обеих героинь среда актуализирует саму этимологию их имени: Долли – очень простое, «домашнее» английское имя (от него, кстати, происходит слово «doll» – кукла, что вызывает дополнительную ассоциацию с детьми).

И одновременно это упрощенный вариант имени До- роти [10], что с древнегреческого языка переводится как «Дар Бога» [11]. Последний факт необязательно был из- вестен Толстому, однако определенно имел значение для Элиот, в произведениях которой имена героев всегда неслучайны и придают образам дополнительный смысл.

В финале укажем на еще один поразительный факт, который служит дополнительным доказатель- ством связи образов Толстого и Джордж Элиот. В семье Облонских живет гувернантка – англичанка, которую во всех черновых вариантах романа зовут мисс Тебор, так же, как и реальную гувернантку детей писателя в годы написания «Анны Карениной». Од- нако в окончательном тексте Толстой неожиданно меняет фамилию этой эпизодической героини – и, что характерно, единственное упоминание о ней вкладыв- ает в уста Долли Облонской: «Тысячу раз пожалеешь miss Elliot» (19, 175). Двойное «ll» в фамилии писа- тельницы (Eliot) здесь не случайная ошибка – именно в таком варианте, как было показано выше, она встре- чается в письмах Толстого.

Проведенный анализ показывает, что образ Долли Об- лонской стал результатом творческой переработки и пере- осмысления Толстым героини Джордж Элиот. Очевидно, писателя привлек сам сюжетный ход, когда наставницей героя, находящегося в ситуации духовной потерянности, дезориентированности, становится простая деревенская женщина, не умеющая читать и писать, но имеющая твер- дые нравственные убеждения. Долли оказывает воздей- ствие на Сайлеса Марнера не только в силу своей нрав- ственной цельности – она еще и подкупает его своей доб- ротой, чуткостью, мягкостью. Именно такой образ нужен был Толстому, чтобы уравновесить характеры мятущихся, страдающих от потери духовной опоры Левина и Анны. В итоге, несмотря на собственные сомнения и отсутствие личного счастья, именно Долли Облонская наиболее по- следовательно воплощает в «Анне Карениной» авторские идеалы и благодаря своей душевной чуткости скрепляет образный мир романа, служит композиционным «мости- ком» между «линией Анны» и «линией Левина».

По сути, именно ценности обеих Долли в финале принимают герои, ищущие смысл своей жизни. В кон- це романа Сайлес говорит: «...Вы правы, миссис Уин- троп, вы правы. Есть добро на свете. Теперь и я это чувствую, и мне даже кажется, что, несмотря на все беды и зло, хорошего больше, чем плохого» [2. С. 152]. Отклик на эти слова можно увидеть в заключительных словах внутреннего монолога Левина, которыми и за- вершается «Анна Каренина»: «...Жизнь моя теперь ...каждая минута ее – не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, ко- торый я властен вложить в нее!» (19, 399).

Нравственная философия романа «Сайлес Марнер», таким образом, оказывается очень близка ключевым идеям Толстого. Эта близость еще раз доказывает, что интерес русского писателя к творчеству Джордж Элиот был не случайным и базировался на сходстве как эти- ческих, так и эстетических принципов двух крупней- ших авторов второй половины XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [1] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.
- ² «...Читаю я Elliota Felix Holt. Превосходное сочинение. <...> Вот вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена» (83, 477).
- ³ Так, в 1891 г. Толстой включил Элиот в число авторов, произведения которых произвели на него «большое впечатление» с 35 до 50 лет (66, 68).
- ⁴ Здесь и далее курсив мой. – И.Г.
- ⁵ Характерно, что, хотя эпитет «кроткая» исчезнет из окончательного текста романа, именно его использует при описании Долли Облонской и Э.Г. Бабаев в своей монографии об «Анне Карениной»: «Она проходит через роман как кроткая, неосуждающая душа, хранительница семейного очага» [8. С. 121].
- ⁶ По сути, этот сюжетный ход также воспроизводится в романе «Анна Каренина», где Стива, схожий по характеру с мужем Долли Уинтроп, в самом начале первой главы вспоминает сон о некоем «обеде в Дармштадте» (18, 4), а затем изображается в развернутом эпизоде посещения ресторана.
- ⁷ Термин Толстого: так он называл ситуацию неудавшегося побега Наташи Ростовой в романе «Война и мир» (61, 180).
- ⁸ “For I feel so set up and comfortable as niver was, when I’ve been and heard the prayers, and the singing to the praise and glory o’ God... and more partic’lar on Sacramen’ Day; and if a bit o’ trouble comes, I feel as I can put up wi’ it, for I’ve looked for help i’ the right quarter, and gev myself up to Them as we must all give ourselves up to at the last; and if we’n done our part, it isn’t to be believed as Them as are above us ‘ull be worse nor we are, and come short o’ Their’n” [7].
- ⁹ “I’ve seen men as are wonderful handy wi’ children. The men are awk’ard and contrairy mostly, God help ‘em – but when the drink’s out of ‘em, they aren’t unsensible, though they’re bad for leeching and bandaging – so fiery and unpatient” [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
2. Элиот Дж. Сайлес Марнер. М. ; Л., 1959. 190 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. Alley H. The Quest of Anonymity: The Novels of George Eliot. Newark ; London, 1997. 182 p.
5. Dolin T. George Eliot. Oxford, 2005. 284 p.
6. Сайлес Марнер. Роман Джорджа Элиота // Отечественные записки. 1862. Т. 140, № 1. С. 133–175.
7. Eliot G. Silas Marner, the Weaver of Raveloe. URL: <http://www.gutenberg.org/files/550/550-h/550-h.htm> (дата обращения: 18.12.2017).
8. Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М., 1978. 160 с.
9. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847–1880. СПб., 2006. 303 с.
10. Dolly // Behind the Name. URL: <http://www.behindthename.com/name/Dolly> (дата обращения: 18.12.2017).
11. Английские имена – D // Европейские имена: значение и происхождение. URL: http://kurufin.ru/html/English_names/english_d.html (дата обращения: 18.12.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 января 2018 г.

TWO DOLLIES: THE RESPONSE TO GEORGE ELIOT’S *SILAS MARNER* IN LEO TOLSTOY’S *ANNA KARENINA*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 17–23.

DOI: 10.17223/15617793/427/2

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; George Eliot; character; plot; novel.

The character of Dolly Oblonskaya is one of the most understudied in Leo Tolstoy’s *Anna Karenina*. The paper attempts to prove that its creation was Tolstoy’s response to the reading of George Eliot’s *Silas Marner* (1861). He knew right well the English writer’s works. It seems certain that Tolstoy read all Eliot’s novels in the 1850–1870s. The mentions of her name in Tolstoy’s diaries and letters and the presence of her five novels in the writer’s own library prove it. The most apparent proof of Tolstoy’s knowledge of *Silas Marner* is the typological proximity of one of its secondary heroines and Dolly Oblonskaya. The coincidence of the moral-philosophical content of the characters and expressive means of its representation allow asserting that Mrs. Winthrop became the foretype of Dolly Oblonskaya and the reason why Tolstoy chose this name for his heroine. The peripheral position of Dolly Winthrop in the plot does not cancel her important role in the conception of the novel. Unlike the central character, Silas Marner, the weaver, who searches for the meaning of existence and the inner mainstay for long years, Dolly is a complete personality; she is not inclined to doubts, because she has strong beliefs and a faith in Providence. It is Mrs. Winthrop’s integrity and her ability to actively sympathize that become substantial for Marner in his return to people and faith. Tolstoy also makes these traits – moral integrity, absorption in the care of her family and a tender sympathizing heart – a core of his Dolly’s character. It is significant that Tolstoy duplicates epithets which accompany Eliot’s character (“mild”, “gentle”) in his characterization of Darya Oblonskaya. At the beginning the both characters are simple, unremarkable women, conscientious mothers and housewives only. But Tolstoy, like Eliot, subsequently demonstrates his character’s ability to be active for the sake of good. The paper analyses resemblance of the conversations of Dolly Winthrop with Silas Marner and the scenes of Darya Oblonskaya’s meetings with Karenin, Levin and Anna. The motive of inability to utter their thoughts and convince other people accompanies the both characters. However, both Dollies prove their rightness by their lives, affairs, skill to keep a good house and bring up children. The house, the nursery as natural surroundings for the both characters actualise the origin of their name: Dolly is a very simple, “home” English name. The research shows that the character of Dolly Oblonskaya became the result of Tolstoy’s creative recast and rethinking of Eliot’s character. Obviously, the writer took note of the plot twist, when a simple village woman, sincerely tender and with strong moral convictions, becomes a mentor of the hero who was in the situation of inner disorientation. Tolstoy was in need of such a character to counterbalance Levin and Anna, unhinged and suffering from a loss of inner mainstay.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury.

2. Eliot, G. (1959) *Sayles Marner* [Silas Marner]. Translated from English by N. Emel'yannikova. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
3. Bakhtin, M.M. (1975) Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) [Epos and novel (On the methodology of exploring the novel)]. In: Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Alley, H. (1997) *The Quest of Anonymity: The Novels of George Eliot*. London: Newark.
5. Dolin, T. (2005) *George Eliot*. Oxford: Oxford University Press.
6. Otechestvennye zapiski. (1862) Sayles Marner. Roman Dzhordzha Eliota [Siles Marner, a novel by George Eliot]. *Otechestvennye zapiski*. 140:1. pp. 133–175.
7. Eliot, G. (1996) *Silas Marner, the Weaver of Raveloe*. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/files/550/550-h/550-h.htm>. (Accessed: 18.12.2017).
8. Babaev, E.G. (1978) “*Anna Karenina*” L.N. Tolstogo [Anna Karenina by L.N. Tolstoy]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Orwin, D.T. (2006) *Iskusstvo i mysl' Tolstogo, 1847–1880* [Tolstoy's art and thought, 1847–1880]. Translated from English by A. G. Grodetskaya. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
10. Behind the Name. (n.d.) *Dolly*. [Online] Available from: <http://www.behindthename.com/name/Dolly>. (Accessed: 18.12.2017).
11. The Burufin's Castle. (n.d.) *Angliyskie imena – D* [English names – D]. [Online] Available from: http://kurufin.ru/html/English_names/english_d.html. (Accessed: 18.12.2017).

Received: 29 January 2018